

СЮЖЕТЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ / SUBJECT MATTERS OF CONFLICTOLOGY

Серия «Политология. Религиоведение»

2014. Т. 9. С. 160–167

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

УДК 316.485.2

Гражданское противостояние в России в первой четверти XX в.: современные исследовательские практики

А. В. Трофимов, А. В. Иванов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Аннотация. Авторы статьи анализируют современные представления о сущности и специфике гражданского противостояния в России в первой четверти XX в. Отмечено изменение вектора изучения данной проблематики и появление новых методологических подходов; сформулированы причины повышенной конфликтности российского общества.

Ключевые слова: политология, социология, социальные конфликты, революция, Гражданская война.

Гражданское противостояние является, как правило, результатом социального конфликта (или сочетания одновременно протекающих нескольких конфликтов), поражающего общество, находящееся в состоянии кризиса. Современная конфликтология определяет социальный конфликт как феномен экстремального обострения противоречий внутри социума, которое воплощается в многообразные формы борьбы между индивидами и социальными группами за достижение их экономических, политических и прочих интересов и целей [3].

В постсоветский период резко вырос интерес отечественных обществоведов к проблемам социальной конфликтности, что можно объяснить исключительно высокой конфликтностью современного российского социума. Одним из исследований, заслуживающих пристального внимания, является монография М. Алиева [1]. Раскрывая социологическое содержание категории «согласие», автор рассматривает ее прежде всего как средство разрешения конфликтов, подразумевающее всеобщий консенсус относительно процесса принятия решений, «из чего следует, что меньшинство заранее готово подчиниться решениям большинства, а последнее готово обеспечить права меньшинства на протест, критику и оппозицию» [1, с. 137]. Если относиться к данному тезису как к некоему эталону социальной гармонии, то автор, безусловно, прав. Однако на практике достижение подобного согласия в обществе представляется весьма проблематичным. Вызывает возражение и еще один

авторский посыл, касающийся философского содержания категории «согласие», понимаемого им как «единомыслие, одинаковые с кем-либо мысли и чувства, намерения и убеждения, духовное, психологическое состояние тех, кто не только соглашается на общее дело, но и принимает в его осуществлении практическое участие» [1, с. 73]. Прямое отождествление автором согласия с консенсусом [1, с. 270] противоречит устоявшимся в современной политологии взглядам на консенсус: под ним понимается не единомыслие, а отсутствие принципиальных возражений по предмету разногласий у всех или большинства заинтересованных сторон.

Свидетельством изменения вектора современных гуманитарных исследований является утверждение М. Алиева о том, что наиболее устойчивыми являются не классовые, а национальные противоречия. Классовая борьба не рассматривается более как главное содержание межгрупповых отношений в обществе, хотя они по-прежнему признаются конфликтогенными. Индивидуальная свобода не гарантирует исчезновения конфликтных ситуаций, скорее – наоборот, провоцирует их, поэтому перед обществом стоит задача их урегулирования на основе учета интересов всех и каждого. «...Конфликты как формы несогласия в социальной реальности не упраздняются, не отменяются. Отрицанию подвергаются методы и средства, применение которых опасно для жизни человека, как и для жизни общества. К тому же важно иметь в виду постоянное обновление и возобновление, возникновение и исчезновение то одних, то других ситуаций, в которых сталкиваются между собой процессы индивидуализации и социализации. Идеальным было бы такое их взаимодействие, которое приводит к гармоничному согласованию, т. е. их соразмерности и пропорциональности. В реальной же жизни социализация, имея более мощные силы давления, чем индивидуализация, во многом, особенно в тоталитарных обществах, подавляет ее, индивиды в значительной мере обезличиваются. В силу этих обстоятельств и противоречий “общественное согласие”, исторически необходимое для социума, не достигает ожидаемой цели и зрелости» [1, с. 158]. Столь объемная цитата потребовалась не только потому, что в ней сформулировано авторское видение схемы урегулирования конфликтов. Наиболее важным представляется выведенное им противоречие между социализацией и индивидуализацией, которое в традиционных обществах сдвинуто в пользу первого элемента. Это дает ключ к пониманию того, что в России начала XX в. – стране, только вступившей на путь модернизации, стране с сугубо авторитарным политическим опытом – достижение согласия в обществе было невозможно.

Этот вывод подтверждается одним из немногих обращений автора к историческому опыту. Отсутствие стремления к достижению консенсуса он призывает искать в особенностях национального сознания россиян, сформировавших оригинальное отношение к согласительным идеям и тенденциям. Он пишет: «Идеальным типом российского конфликта стал раскол, а идеальным типом согласия – усмирение. Даже в наиболее интеллектуальном XX в. Российское государство не смогло найти доминанты, позволяющие органически соединить интересы народа и государства» [1, с. 278].

К тем же выводам приходят авторы монографии «Конфликты и диалог политических культур в современной России» [6]. Чрезвычайно высокая интенсивность и бескомпромиссность социальных и политических конфликтов в России, по их мнению, обусловлены генотипом политической культуры общества, сформировавшейся под воздействием целого ряда исторических и геополитических факторов. В их числе называются, с одной стороны, самобытность исторического развития страны, основанная на «почвенных» традициях, с другой – постоянная ориентация на заимствования с Востока и Запада, обусловленная «буферным» положением России – «моста» между крупнейшими мировыми цивилизациями [6, с. 54–55]. В результате в политической культуре нашей страны парадоксально сочетаются демократические и авторитарные начала, имперские и революционные идеалы, мобилизационные и застойные элементы. На этой основе сложились особенности ее генотипа (всего авторы вывели их десять), из которых ключевыми, на наш взгляд, являются две. Во-первых, антиномичность – наличие особого рода противоречий, когда каждая из противоположностей имеет одинаково прочное базовое основание в реальности, вследствие чего каждая из конфликтующих сторон смотрит на другую как на заклятого врага и отстаивает свои позиции в ущерб интересам страны. Во-вторых, амбивалентность – двойственность восприятия, когда одни и те же явления вызывают у человека противоположные чувства; при этом в реальности одно чувство всегда вытесняется и маскируется другим (любовь ненавистью, удовлетворенность депривацией и т. д.) [6, с. 55–56]. Именно глубокое изучение особенностей генотипа политической культуры российского общества является, по мнению авторов монографии, ключом к пониманию тех процессов, которые происходили в России в период революционных потрясений и Гражданской войны, и тех, что имеют место в наше время.

Признанным авторитетом в области современной теории конфликта является А. В. Дмитриев. Анализируя социальные конфликты в России периода революционных потрясений с помощью методов социологического и культурологического анализа, он объясняет их чрезвычайную остроту и бескомпромиссность убежденностью В. И. Ленина и его сторонников в допустимости и даже необходимости революционного насилия, которое они, вслед за К. Марксом, считали «повивальной бабкой» истории. Другим фактором, обусловившим остроту конфликта и активное использование насилия во взаимоотношениях между общественными группами, автор считает специфику социальной структуры России начала XX в., которая заключалась в крайней поляризации общества. «Образ и качество жизни высших и низших слоев, объем социальных благ (власть, престиж, богатство) были абсолютно несовместимы, они жили, словно в разных мирах. ... Вопиющее неравенство социальных групп не могло не вызвать отчуждения между ними, чувства взаимного недоверия и ненависти, а у части образованных слоев – вины и ожидания неизбежной расплаты...» [4, с. 179]. Еще одной особенностью структуры российского социума была ее архаичность, неразвитость классовых отношений. «Все социальные группы России (особенно с XVI до начала XIX в.) находились в рабской или полубабской зависимости от самодержавия, распорядившегося их

судьбами, определявшего их социальное положение» [4, с. 179–180]. Результатом этого было отсутствие самостоятельных общественных групп, способных отстаивать собственные интересы, что в свою очередь благоприятствовало формированию традиции государственного насилия над обществом и личностью. Межсословные противоречия были настолько остры, что принимали форму взаимной несовместимости, а это создавало мощнейший конфликтогенный потенциал, реализовавшийся скорее в смуте, нежели в революции.

Касаясь социокультурного фактора, А. В. Дмитриев говорит о традиции политического насилия в истории России, уходящей корнями в эпоху формирования русского централизованного государства [4, с. 182–184]. Именно тогда создавался фундамент полицейского государства, опирающегося на мощный аппарат принуждения, политического сыска, репрессий, отсутствие (до 1864 г.) независимой системы судопроизводства. Нежелание правящей элиты осуществить реформы, которые позволили бы оппозиции легально участвовать в политических процессах, создавали в обществе атмосферу озлобления, подталкивали его наиболее радикальную часть к экстремистским, насильственным действиям. К началу XX в. в России так и не сформировались демократические механизмы и процедуры решения острых социальных проблем. Именно поэтому свержение авторитарной монархической власти проложило путь не к демократии, а к установлению еще более жесткого тоталитарного режима. Либералы и умеренные социалисты остались не у дел, а ставшие во главе государства радикалы возвели террор в ранг государственной политики. Автор объясняет это традицией безусловного подавления любой оппозиции. Но еще более важным ему представляется то, что «с помощью насилия предполагалось компенсировать неразвитость объективных предпосылок для радикальных социальных преобразований» [4, с. 184]. Да и сама революционная пролетарская идеология зиждилась на апологии диктатуры и насилия как самых коротких путей к достижению поставленных целей.

Повышенная конфликтность российского социума, по мнению А. В. Дмитриева, не в последнюю очередь обусловлена и особенностями этнической психологии россиян, в которой сочетаются антиномические, полярно противоположные начала. С одной стороны – пассивность, терпение, конформизм по отношению к сменявшим друг друга на протяжении всей истории деспотическим режимам. С другой – страстность, перфекционизм, стремление к абсолютному совершенству, непризнание половинчатых, срединных решений. Это последнее и обуславливает то, что «фанатизм веры в русской душе зачастую сочетается с неприемлемостью чужих взглядов, отсюда и возникает ненависть к инакомыслящим и последовательная борьба против них» [4, с. 185]. Вера в свою собственную миссию и нетерпимость к думающим и действующим иначе ведут к жестокости, насилию. В то же время утрата веры в определенные идеалы приводит к бунтам против всего того, во что человек верил еще вчера. Именно крушение системы ценностей, в основе которых была сформулированная С. С. Уваровым триада «православие, самодержавие, народность» (преобразованная на рубеже XIX–XX вв. в фор-

мулу «вера, царь, отечество»), привела к разрушительному бунту, вознесшему к власти большевиков.

В монографии А. Е. Кашаева [5], написанной с позиций социальной философии, раскрывается содержание феномена конфликта, прослеживается его влияние на процессы социальных изменений, анализируются причины и условия возникновения, эскалации и разрешения конфликтов различных уровней. При этом автор подкрепляет свои теоретические рассуждения анализом исторических фактов, благо история, в том числе и отечественная, дает для этого богатый материал.

Особый интерес представляет авторская версия революционных событий в России. А. Е. Кашаев, как и А. В. Дмитриев, пытается найти их социокультурные корни, однако концептуальная близость не исключает некоторой разницы в подходах к проблеме. В частности, А. Е. Кашаев опирается на сформулированную А. С. Ахиезером теорию сменяющих друг друга в истории российского общества векторов инверсии и медиации, порождаемых таким специфическим явлением, как социокультурный раскол. А. С. Ахиезер определял его как «патологическое состояние социальной системы..., характеризующееся острым застойным противоречием между культурой и социальными отношениями, распадом всеобщности, культурного основания общественного воспроизводства» [2, с. 241]. Результатом раскола является параллельное существование в обществе как минимум двух субкультур, противостоящих друг другу, вызывающих взаимный дискомфорт, а также отсутствие единой системы ценностей, которая должна служить основанием общественной системы и обеспечивать ее единство. Такими субкультурами в России начала XX в., по мнению А. Е. Кашаева, были два жизненных уклада – самобытный, «почвенный» и привнесенный извне, «европеизированный», оформившиеся в соответствующие социально-экономические уклады – «национальный общинный» и капиталистический [5, с. 85]. Автор утверждает, что они мало взаимодействовали друг с другом по причине неприятия капитализма широкими слоями российского населения, с ментальностью которого он находился в явном противоречии [5, с. 83]. Более того, капиталистический уклад он считает «инородным телом в народном хозяйстве», поскольку его развитие зависело не от поступлений сырья из общинного сектора, а от размеров иностранных инвестиций [5, с. 85]. Этот более чем странный тезис А. Е. Кашаев аргументирует сведениями о социальной структуре российского общества той эпохи, в которой, естественно, преобладало крестьянство. Но это ничего не доказывает. Да, индустриальная модернизация России осуществлялась в значительной мере за счет импорта капиталов, но работали-то новые предприятия не на импортном сырье, а на отечественном сырье, произведенном, в том числе, и в аграрном секторе. В конечном итоге все эти рассуждения автора нацелены на подтверждение его исходного посыла о том, что события 1917 г. представляли собой «взрывоподобное столкновение между сконцентрированной самобытностью и тем новым, что привносилось на российскую почву как бы вопреки ее самобытности и особенностям менталитета» [5, с. 82]. Что же касается победы большевиков, то она, по мнению

А. Е. Кашаева, была обусловлена тем, что общинная Россия поддержала их программу уничтожения капитализма, к тому же они провели национализацию – некий аналог обращения собственности в общинное владение. Да и некоторые структурные элементы общества были приведены в соответствие с традиционными общинными идеалами: политический лидер – самодержец, номенклатура – аристократия, колхоз – община и пр. [5, с. 86].

Широкий размах террора и моральное оправдание его в глазах народных масс А. Е. Кашаев объясняет обыденностью, привычностью для российского общества этого экстраординарного явления. По мнению автора, оправдываемый «низами» террор привел к углублению раскола в обществе, а в конечном итоге – к событиям 1917 г. и Гражданской войне. Другого варианта развития событий автор не видит: «Борьба становится единственным, универсальным средством разрешения действительно назревших к тому времени противоречий» [5, с. 89]. Тем самым он подчеркивает объективную обусловленность революции, но несколькими строками ниже дезавуирует свое же утверждение: «Отсутствие или, по крайней мере, незрелость объективных социально-экономических, культурных и иных предпосылок социальной революции Ленин компенсирует искусственно создаваемыми конфликтами, из искры высекает огонь вселенского (революционного) пожара. В этом плане учение Ленина – неиссякаемый кладезь теоретического обоснования и практического опыта по созданию конфликтных ситуаций, интенсификации и эскалации социальных конфликтов» [5, с. 89]. В итоге книга А. Е. Кашаева оставляет противоречивое впечатление. Глубокие теоретические обобщения соседствуют в ней с неубедительным анализом конкретных исторических ситуаций и сомнительными выводами.

Психологическую подоплеку гиперконфликтности российского общества исследовали в своей монографии С. Я. Матвеева и В. Э. Шляпентох [7]. Революционные события 1917 г. были, по мнению авторов, элементами гигантской социально-политической, хозяйственной и военной катастрофы, связанной с крахом исторической государственности России. Привычный уклад жизни народа был полностью разрушен, в результате чего «катастрофизм» вошел в повседневную жизнь каждого человека. Страх стал естественной реакцией на хаос, а гнев по отношению к явным или предполагаемым виновникам бедствий – доминантой общественных настроений. «Этот повседневный кошмар усиливал чувство ненависти и постоянно побуждал к поиску врагов» [7, с. 90]. В таких условиях массы оказались очень восприимчивыми к идеологии классовой борьбы, предложенной большевиками, так как она апеллировала не столько к рациональной составляющей общественного сознания, сколько к массовым эмоциям и чувствам, став своеобразной секуляризованной религией. «В растревоженной, переживающей драматические социальные и политические сдвиги стране с бедным и неграмотным населением милленаристские или эмоционально близкие к ним идеи могли породить (и действительно породили) мощный ответный импульс. Предложенная большевиками идеология была усвоена прежде всего в своих (псевдо)религиозных милленаристских аспектах. Обещание “нового неба и нового царства” для избранных, четкие указания, позволяющие отличить “избранных” (пролетариат) от “грешников”

(буржуазии), трудный путь к новой жизни по новым, справедливым законам – все это не могло не импонировать в ситуации войны, разрухи, голода, морального упадка, распада страны, краха политического режима и социального порядка в целом» [7, с. 93]. Отсюда становятся понятными мотивы стремления уничтожить носителей Абсолютного Зла – классовых врагов, полное отсутствие милосердия и толерантности по отношению к ним.

Завершая обзор современных трудов, посвященных изучению социальных конфликтов, отметим существенное изменение оценочных критериев, применяемых к революционным событиям в России. Большинство современных исследователей сходятся во мнении, что гражданское противостояние в России в начале XX в. было обусловлено незавершенностью модернизационных трансформаций и одновременно само являлось важнейшим трансформационным фактором. Оно происходило внутри фрагментарного, гетерогенного социума, что обусловило его особую остроту, длительность и катастрофичность. Победа одной из сторон, предложившей новаторский социальный проект, по существу, определила вариант российской модернизации, осуществлявшийся на протяжении большей части XX столетия.

Список литературы

1. *Алиев М.* Согласие. Социально-философский анализ / М. Алиев. – М. : Республика, 2001. – 287 с.
2. *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). В 2 т. Т. 1. От прошлого к будущему / А. С. Ахиезер. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 1997. – 805 с.
3. *Бабосов Е. М.* Конфликтология / Е. М. Бабосов. – Минск : ТетраСистемс, 2000. – 464 с.
4. *Дмитриев А. В.* Социальный конфликт: общее и особенное / А. В. Дмитриев. – М. : Гардарики, 2002. – 526 с.
5. *Кацаев А. Е.* Социальный конфликт: опыт философско-социологического анализа / А. Е. Кацаев. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1998. – 368 с.
6. Конфликты и диалог политических культур в современной России. – Воронеж, 2005. – 215 с.
7. *Матвеева С. Я.* Страхи в России в прошлом и настоящем / С. Я. Матвеева, В. Э. Шляпентох. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 2000. – 180 с.

Civil Confrontation in Russia in the First Quarter of the XXth Century: Contemporary Research Practices

A. V. Trofimov, A. V. Ivanov

Ural State University of Economics, Yekaterinburg

Abstract. The authors analyze the modern conception of the nature and specifics of the civil confrontation in Russia in the first quarter of the XXth century. Modification of the vector of research of these problems and the emergence of new methodological approaches are marked; causes of heightened conflict potential of the Russian society are stated.

Keywords: politology, sociology, social conflicts, revolution, the Civil war.

Трофимов Андрей Владимирович

доктор исторических наук,
профессор, кафедра общей
и экономической истории
Уральский государственный
экономический университет
620219, г. Екатеринбург,
ул. 8 Марта, 62
тел.: 8(343)2166913
e-mail: 2519612@rambler.ru

Иванов Алексей Викторович

кандидат исторических наук,
доцент, кафедра общей
и экономической истории
Уральский государственный
экономический университет
620219, г. Екатеринбург,
ул. 8 Марта, 62
тел.: 8(343)2541378
e-mail: ivanovav55@yandex.ru

Trofimov Andrey Vladimirovich

Doctor of Sciences (History),
Professor, Department
of General and Economic History
Ural State University
of Economics
62, 8th of March st.,
Yekaterinburg, 620219
tel.: 8(343)2166913
e-mail: 2519612@rambler.ru

Ivanov Alexey Victorovich

Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department
of General and Economic History,
Ural State University
of Economics
62, 8th of March st.,
Yekaterinburg, 620219
tel.: 8(343)2541378
e-mail: ivanovav55@yandex.ru